

12+

Ковалева Марина

Ума и Ангуш - двое нас

Марина Вячеславовна Ковалева

Ума и Ангуш – двое нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67359702

SelfPub; 2022

Аннотация

Старый хазарский военачальник приезжает на курган, где в далёкие годы был похоронен его лучший друг. Он предаётся воспоминаниям о далёкой молодости, о службе в столице и походе в землю славян-вятичей, который стал для его друга роковым.

Марина Ковалева

Ума и Ангуш – двое нас

1

Широкая степь раскинулась вокруг. Под палящим солнцем не шелохнётся ни травинка, лишь громко стрекочут кузнечики. Заматеревшие травы скрывают коня по грудь. Он громко фыркает и трясёт головой, отгоняя слепней, привлечённых запахом пота. Серебряные украшения, прикреплённые к сбруе, тихо звенят. Послушный руке хозяина, конь останавливается. Всадник приподнимается на стременах и оглядывает степь из-под руки. Он уже очень стар. Тёмное лицо выдублено ветрами и временем. Вокруг узких чёрных глаз залегла сетка морщин. Из-под шлема, увенчанного конским хвостом, выбиваются седые волосы. За плечами старика висят лук и колчан со стрелами, о замшевый сапог бьётся сабля с усыпанной камнями серебряной рукоятью. Старик трогает коня и медленно едет к высокому холму, виднеющемуся у самого горизонта. У его подножия он тяжело спешивается. С трудом передвигая кривые ноги и опираясь на саблю, как на палку, взбирается наверх. Холм порос лохматыми ковылями, васильками и колосистой вероникой. Старик распутывает травы свободной рукой.

На вершине холма трава не такая высокая, как на склонах.

Старик садится на землю и достаёт из путевой сумки сухую тыкву, вынимает затычку и наливает из неё вина в небольшую чашу. Медленно отпивает несколько глотков, а остатки выливает рядом. Красные винные капли дрожат на листьях и лепестках маленькой дикой астры. Испуганный хомяк ныряет в нору.

– Это я, Ума, – говорит старик и, сощурив морщинистые веки, замирает.

Солнце начинает клониться к закату и становится золотисто – алым. Слышатся скрипучие крики дергача. Белая лошадь старика, устав ждать хозяина, взбирается на холм и становится рядом с ним, обмахивая себя длинным хвостом. Она нюхает его лицо, поводит ушами и недовольно дышит.

Очнувшись, старик достаёт старую гладкую дудочку, выщербленную на одном конце, и прикладывает её к губам. Тихая грустная мелодия разливается по огромной степи...

2

Когда Ума был молодым, он пас коней своего старшего брата, а лучшим его другом был Ангуш, младший внук старика Элчи из соседнего кочевья. Родичи Умы жили в укреплённом посёлке со стенами из мелового камня, а дед и старший брат Ангуша владели одной небольшой юртой, однако товарищи чувствовали сильную привязанность друг к другу. Каждое свободное мгновение стремились они провести вме-

сте. Ранним утром на выгоне, когда всё тает в тумане, они приветствовали друг друга сусличьим свистом так искусно, что введённые в заблуждение зверьки отвечали мальчишкам. Вместе они разыскивали хомячьи кладовки и шары из травы – гнёзда полёвок под снегом зимой. Вместе сидели по ночам у костра под бездонным, усыпанным звёздами небом. Темнота обволакивала мальчишек со всех сторон и, укрывшись попоной от ночной сырости, Ума бывал рад найти тёплую руку друга.

Старший брат не особенно жаловал Уму, у него самого было шестеро сыновей, а его жена отдавала мальчику старые обноски и желала подавиться каждым лишним куском. Поэтому всякий раз, как только это было возможно, Ума ускользал в юрту старого Элчи, который увлекательно рассказывал о днях своей молодости, о давних войнах с арабами, византийцами и иберами. Особенно мальчику запомнился один рассказ из седых времен о том, как храбрые хазары осаждали некий город в Иберии. Они долго держали город в осаде, но ничего не могли поделать с его защитниками. Издеваясь, жители выставили на стене изображение великого кагана в виде женщины с распущенными волосами. Голову они изготовили из тыквы, ресницы – из ветвей, а вместо носа вырезали дырки. Это так рассердило осаждающих, что следующий штурм удался. Захватив город, великий каган приказал ослепить старшин, заявив: «Вы сделали мой портрет слепым!»

Однажды весной, когда в степи расцвели адонисы, Ума и Ангуш, возвращаясь домой, увидели, что перед укреплённым посёлком родичей первого из них раскинулся целый караван из повозок и кибиток. Оказалось, что это знатный князь Кубрат, приближённый к кагану, едет в своё летнее кочевье после зимовья в Итиле. Сам князь был высоким светлокожим человеком, не похожим на хазар, проживавших в округе. Глаза у него были чёрные, с поволокой, как у жителей Иберии. Князь сидел на вороном коне с серебряной сбруей. На боку его висела сабля в драгоценных ножнах. Кафтан князя был сшит из пёстрой арабской ткани, а ноги обуты в сапоги из белой замши.

– Вот это воин! – с завистью присвистнул Ума. – Сразу видно, что из благородного рода!

– Если бы твои предки женились на самых красивых иноземных пленницах, и ты выглядел бы не хуже, – сказал Ангуш.

Подростки подошли ближе и увидели, как старший брат Умы кланяется Кубрату и просит не побрезговать занять его скромное жилище. Гость благосклонно согласился.

Забегали рабы, перенося вещи. Жалобно заблеяли бараны, которым предстояло стать угощением. Женщины развели огонь под огромными котлами.

Друзья сели в сторонке, наблюдая, как размещаются люди князя. И тут они увидели дочь Кубрата – Чичак. Глаза у нее были чёрные, чуть раскосые, как у отца, а волосы светлые,

словно сухая трава по осени, должно быть, доставшиеся ей от матери. При каждом шаге Чичак звенели золотые браслеты на её руках и украшения, вплетённые в длинные косы. Её фигуру окутывало малиновое покрывало. Она действительно напоминала цветок, как и утверждало её имя, которое они узнали много позже.

– Вот на этой девушке я женюсь! – сказал Ангуш.

– Она на тебя даже не посмотрит! – рассмеялся Ума.

В этот момент Чичак повернула в сторону друзей лицо, скользнула по ним невидящим взглядом и отвернулась.

– Конечно, не посмотрит, если сидеть здесь, собирать навоз на растопку и пасти чужих лошадей! – заявил Ангуш. – Нужно добыть добрых коней и ехать в Итиль, наниматься на службу к кагану или главному князю! Там можно будет заслужить и почёт, и богатство.

– Это правильно, – согласился Ума. – Только где его взять, коня-то? Разве украсть у брата. И мы не знаем дороги в Итиль. Придётся у всех спрашивать. Так нас быстро поймают.

– Мне бы дед дал коня, – сказал Ангуш.

Весь вечер и половину ночи шёл пир горой, а на следующий день, на потеху гостям, были объявлены скачки. Ума тут же пристал к брату, чтобы тот позволил ему участвовать.

– Куда тебе, бездельник! – набросилась на него жена брата. – Обгоняй своего друга – оборванца в ловле вшей! Нечего позорить наш род своими лохмотьями и грязными руками!

– Ну, так дай мне чистую одежду! – огрызнулся Ума.

– Идите-ка отсюда оба! Голова от вас разрывается! – крикнул на них брат.

– Что за шум в твоём доме, хозяин? – услышал перебранку гость.

– Да вот, чумазый мальчишка требует, чтобы допустили его до скачек! – стал оправдываться брат.

Увидев надутого Уму, князь засмеялся:

– Разве можно не допустить такого славного воина? Выдать ему коня!

Воины из людей князя Кубрата, Ума на гнедом коне, два его племянника и Ангуш на чёрном жеребце выстроились в линию. Им предстояло бороться за награду в виде дорогой сабли. Для того, чтобы получить её, нужно было доскакать до поставленного вдалеке шеста, сорвать с него свёрнутую баранью шкуру и первым вернуться обратно. Остальным участникам разрешалось отнимать шкуру при условии, что сначала они объедут вокруг уже пустого шеста. По знаку князя Кубрата всадники сорвались с места. Недаром Ума провёл столько лет на выгоне! Он с лёгкостью вырвался вперёд и сорвал баранью шкуру. Однако он так спешил, что баранья шкура выпала у него из рук. Если бы не Ангуш, подобранный её и вернувший другу под видом борьбы, никогда бы не прийти Уме первым!

Награду победителю вручал сам князь Кубрат. Взяв саблю в руки, Ума упал перед ним на колени и сказал:

– Мне очень нужна сабля, но ещё больше мне нужен хороший конь. Я согласен вернуть награду, если ты попросишь моего брата отдать мне гнедого жеребца. Я хочу с другом поехать в Итиль, чтобы служить великому кагану.

– Такая просьба не может знать отказа, – милостиво кивнул Кубрат. – Пусть твой друг подойдёт сюда.

Ангуш приблизился и опустился на траву рядом с Умой.

– Как тебя зовут, юноша?

– Ангуш, господин.

– Почему ты, Ангуш, подхватив шкуру, не оставил её себе? Разве тебе не нужна сабля?

– Очень нужна, господин, – ответил юноша, покраснев от мысли, что его хитрость не укрылась от князя. – Только дед мой, старый воин, и так даст мне на первое время своё старое оружие, а в бою я сам раздобуду оружие побогаче. Другу же моему брат ничего не даст, ему сабля нужнее.

– Хороший ответ, – кивнул Кубрат. – Сейчас я еду в своё летнее кочевье, а когда осенью буду возвращаться в Итиль, то захвачу вас с собой и сделаю воинами кагана.

3

Осенью, когда по утрам траву стал покрывать белый иней, а озёра по краям сковывать тонкий ледок, Ума и Ангуш двинулись в свите князя Кубрата в Итиль, столицу Хазарского каганата. В дорогу родные постарались снарядить их как

можно лучше, но всё равно им было далеко до воинов князя.

– Ничего, вот поучаствуем в войне, будем выглядеть не хуже, – говорил Ума, утешая друга. – Прославимся так, что сама Чичак будет мечтать увидеть нас хоть глазком.

– Поскорей бы, – отвечал Ангуш, следя краем глаза за кибиткой, в которой ехала красавица.

Итиль поразил друзей своим великолепием. Он был окружён стеной и делился рекой на две части. В каждой части насчитывалось по двое ворот: одни выходили к реке, а другие – в степь. На западном берегу жили приближённые кагана. Посередине, на острове, возвышался дворец кагана из обожжённого кирпича. Он соединялся с сушей плавучими мостами. На восточном берегу проживали мусульмане, христиане, евреи и язычники, занимавшиеся торговлей и ремеслом.

Князь Кубрат по приезде поручил друзей своему дяде, главному князю Батбаю, который правил от имени кагана и возглавлял войска, как охранявшие столицу, так и передвигавшиеся по степи для поддержания порядка. Только главный князь после изъявления покорности и очищения огнём имел право садиться рядом с каганом на трон и вершить дела. Распоряжаясь всеми податями, Батбай содержал на жаловании 10 000 всадников.

Первое время Ума и Ангуш несли дозор в городе. В свободное время они любили гулять, раздвигая широкими плечами толпу, по восточной его части. Там располагались рынки и бани. В раскрытых лавках виднелись диковинные това-

ры: меха выдр, белок, чернобурых лисиц, янтарь, греческие кувшины и вышитые золотом ткани, славянские мечи, а рядом – скованные славянские невольники. Удивительные люди встречались в этой части города. Однажды друзья познакомились с болгарским купцом, который путешествовал далеко на север. Там он торговал с племенем югра, живущим на побережье Моря сумрака. Он отвозил туда соль и лезвия мусульманских сабель. Купец утверждал, что при помощи этих сабель югра ловит в Море сумрака рыб величиной с гору.

Когда наступила весна, друзья отправились в свой первый поход против печенегов, пытавшихся прорваться на хазарские территории. Поход был удачным для Ангуша. Он сумел отличиться не только в глазах своего непосредственного командира Манахема, но и самого главного князя Батбая. Юноша стал владельцем захваченной у противника кибитки, четырёх коней и шести пленников. Уме повезло меньше. В самом начале одной из битв его тяжело ранили в голову. Ангуш возил его за собой в кибитке и кормил его лошадь. Когда войско вернулось в Итиль, Ангуш послал своему деду в подарок несколько ковров, большой медный котёл и мешочек серебряных дирхемов, чтобы прикупить скота. От имени Умы он отправил его старшему брату ковёр и серебряное блюдо.

Хотя Ангуш отличился на войне, повышения ему не последовало. Однажды, когда рядом никого не было, к молодому воину подошёл его командир Манахем и сказал:

– Храбрости тебе не занимать, а вот сообразительности не хватает. Или ты хочешь всю жизнь пробыть простым воином?

– Нет, как и все, я хочу добиться славы, почёта и богатства.

– Если ты будешь вести себя так, как вёл до сих пор, то не видать тебе богатства, а также всего остального.

– Что же я делаю не так?

– Разве ты не видишь, Ангуш, какую веру исповедует каган и большинство знати? А какую исповедуешь ты?

– Дед мой учил меня поклоняться небесному владыке Тенгри – хану и священным дубам, которым приносил в жертву коней.

– Ещё при прежнем кагане Булане наизнатнейшие князья по примеру своего владыки приняли иудейскую веру, а идолопоклонничество было запрещено. Если ты не примешь новую веру, то самый слабый и трусливый из воинов, исповедующий её, всегда будет впереди тебя, – предупредил его Манахем.

В глубокой задумчивости Ангуш пришёл к Уме и пересказал ему разговор с командиром.

– Если ты не слушаешь его совета, то вернёшься домой старым и больным, будешь жить в старой юрте, как дед Элчи, – сказал Ума, всё ещё болевший, а потому лежащий на тёплых войлоках.

– Тенгри – хану я молился с самого детства, – возразил

Ангуш, хмурясь.

– Продолжай ему молиться во всём, что касается домашних дел, а во всём, что касается войны, молись иудейскому богу. Он, видно, сильнее, иначе каган не стал бы поклоняться ему. Может быть, начни я ему молиться раньше, не кончилось бы для меня всё так плохо.

– Ты прав, – согласился Ангуш. – Батбай и Манахем молились иудейскому богу, и он послал им победу над печенегами. И всё же...

Ума сразу решил переменить веру. Для него была невыносимой мысль, что он когда –нибудь вернётся больным и нищим в дом старшего брата. Ангуш несколько дней сопротивлялся, но лишь до тех пор, пока не увидел в одной из лавок красавицу Чичак, выбирающую ткань в окружении служанок и охраны. Отец её, князь Кубрат, тоже придерживался иудаизма. Молодой воин понял, что если он не переступит через себя, то навеки распростится не только со всем, о чём он мечтал, но и с ней, своим самым сладостным сном. И он сдался.

Благодаря болезни Умы друзья так сблизились, что не хотели иметь личных вещей. Они ели из одного котелка, а на чаше для питья заказали сделать надпись: «Ума и Ангуш – двое нас».

Когда наступила зима, отряд Манахема стал разъезжать по окрестностям, поддерживая покой и порядок. Бледное око солнца выглядывало из серых туч, провожая отряд. Снег

скрипел под ногами коней. Из ртов людей и из ноздрей коней шёл пар. На волосах и гривах застывали сосульки. Иногда из-под самых копыт выскакивал заяц и, высоко подпрыгивая, уносился прочь, если не становился жертвой быстрой стрелы. Когда зиму сменила весна, а в степи расцвели адонисы, пошли слухи, что Манахем впал в немилость, а потому его отсылают собирать дань на север – в славянские земли. О причинах немилости никто так толком ничего и не узнал, а весть о поездке подтвердилась. Похода в ближайшее время не предвиделось, а потому друзья были рады побывать в новых местах. Остальные воины отряда тоже не печалились.

– Говорят, если с умом взяться за дело, то сбор дани ещё выгоднее, чем поход, – сказал Нисси, молодой знатный воин. – Нажиться можно не хуже, а опасности никакой.

Кроме воинов в путь отправился чиновник для сбора дани. Отряд сопровождали большие повозки.

По выезде из Итиля сначала часто встречались обработанные поля, укреплённые поселения и одинокие юрты. Ближе к северу степь становилась всё менее населённой. Сделав дневной переход, отряд не встречал никого, кроме пастухов с табунами коней и отарами овец. Вскоре исчезли и они. По ночам стали поддерживать костёр против диких зверей, а пропитание добывали охотой. Постепенно плоская равнина начала извиваться холмами. Реки оделись в высокие известняковые берега. В глубоких оврагах зазеленели осинники.

– Начинаются славянские земли, – сказал Манахем.

По вечерам у костра командир был молчалив. Подолгу, не отрываясь, он смотрел, как раскалываются в пламени обгоревшие ветки, разбрасывая снопы алых искр. Но если у него была причина так поступать, по мнению Умы, то у Ангуша ничего подобного не было, а между тем он вёл себя не менее странно. Хотя друзья по – прежнему пили из одного кувшина и спали, укрываясь одной попоной, мыслями Ангуш был далеко от тех мест, где они проезжали.

– Что с тобой делается, друг? – спросил его Ума, утомившись ждать, когда он сам всё расскажет. – Вокруг всё цветёт, а ты словно в тумане. Вроде ты здесь, а вроде тебя и нет.

– Так оно и есть, – согласился Ангуш. – Я здесь и не здесь одновременно.

– Как же это может быть? – удивился Ума.

– Я еду по степи на север от Итиля и знаю, что я здесь, в чужих краях. Но когда я смотрю на цветущие дикие гвоздики, колокольчики и другие цветы, я словно слышу, как они мне говорят: «Это я – Чичак». По вечерам, когда в ночном воздухе разливается цветочный аромат, мне кажется, что и он беззвучно произносит: «Это я – Чичак». Вчера за сапог мой зацепился цветок репейника. Если бы он обладал даром речи, я уверен, он шепнул бы мне: «Ты не забыл меня? Это я – Чичак. Забудешь – уколую». И я мыслями улетаю в Итиль.

– Хорошо, что твою девушку зовут «Цветок», – заметил Ума. – Хуже было бы, если бы её звали, например, «Шаловливая нитка». Иначе ты приходил бы в восторг от каждой

нитки, торчащей из рубашки нерадивого ротозея!

– Смейся, смейся. Всё равно я совершу много подвигов, прославлюсь, разбогатею и женюсь на Чичак.

– Далась же тебе эта княжеская дочка!

Перелески в пути стали встречаться всё чаще. На горизонте синей полосой выросли леса. Начали попадаться и следы людей. Однажды, когда Ума и Ангуш охотились в густых камышах на уток, из-за поворота реки выплыла ладья под полосатым парусом. На носу её был вырезан деревянный дракон. В ладье находились светловолосые люди. Также друзья разглядели невольников в цепях. Судя по низкой посадке, корабль был перегружен. Так как охотники затаились, плывшие по реке их не заметили.

– Это купцы – русы плыли в Константинополь, – объяснил друзьям, когда они вернулись в лагерь, чиновник для сбора дани. – Говорят, они хорошо укрепились где-то на севере славянских земель. Уж не ограбили ли они по дороге наших данников?

Опасения чиновника подтвердились. Первый, ближний к степи укрепленный посёлок оказался сожжённым. В нём не осталось ни одного человека.

– Придётся завернуть сюда на обратном пути, – сказал чиновник. – Возможно, вернутся те, кто спрятался в лесу.

В следующем посёлке им повезло больше. Ворота частогола открылись без долгих проволочек. Пока чиновник переписывал сдаваемые жителями, выстроившимися в очередь,

меха, хазарские воины частью остались возле него, а частью рассыпались по посёлку, который стоял на обрыве реки. Его окружали вал и деревянная стена. Внутри находились полуземлянки. Ума и Ангуш с любопытством оглядели всё внутри посёлка, вызвав необычайное оживление у собак, следовавших за ними по пятам.

Местные жители были русоволосыми, высокими, с длинными лицами. Они носили льняную одежду и кожаную или плетёную из лыка обувь. На висках у женщин покачивались семилопастные височные кольца. Мужчин было мало. Местные считали себя потомками некоего вождя Вятко и назывались вятичами.

Когда сборщики выехали из посёлка и двинулись дальше в лес, молодой воин Нисси сказал:

– Что это за дань по белке с сохи! Мы могли бы вытрясти с них гораздо больше!

– Ты предлагаешь зарезать барана, вместо того, чтобы стричь с него шерсть, – ответил чиновник, важно покачиваясь на возу.

– Мы берём до смешного мало! Я видел в домах шкуры и получше! А если поискать как следует, то я уверен, что у них в кубышках закопаны серебряные дирхемы, полученные от торговли с арабами! – не унимался Нисси.

– Получая белку с сохи, мы подтверждаем власть кагана над этими землями, – заметил чиновник. – Белка к белке – вот уже воз белок. Кроме того, дань подтверждает право сла-

вянских купцов торговать в наших землях. Если мы будем притеснять славян, они могут и отложиться, а воевать с ними в лесах – нелегко. Лучше получать понемногу постоянно, чем, захватив всё зараз, больше не получить ничего.

– Всё это бабьи разговоры, – пробурчал Нисси.

Следующие несколько посёлков оказались богаче предыдущих и более населёнными. Хазарские воины, подчиняясь приказу Манахема, жителей старались не притеснять, а понаправившиеся вещи выменивали на свои деньги и прихваченные из дому товары. Отнимать здесь что-либо было опасно: в глухих лесах степняки чувствовали себя неуверенно.

По дороге к последнему посёлку хазары увидели на поляне под большой сосной землянку. Под навесом возле неё дюжий мужик ударял молотом по наковальне, в то время как его юный помощник держал клещами серп. Увидев всадников, кузнец прекратил работу.

– Далеко ли отсюда, хозяин, до посёлка? – спросил Манахем на местном наречии.

– Как съедете с этого холма и подниметесь на тот, поросший берёзами, так сразу и увидите, – ответил кузнец.

– А что же ты живёшь за его пределами?

– Я имею дело с огнём. От неосторожной искры может разгореться пожар, а посёлок весь деревянный.

Спустившись с холма, отряд переехал ручей, вода в котором доходила коням до колен, поднялся на другой холм и увидел посёлок. В нём остановились на два дня, но потом

задержались ещё на три, так как встретили арабских купцов с плохими вестями из Итиля. Оказалось, что в столице произошёл переворот, в результате которого были убиты каган Обадия и его сыновья Езекия и Манассия.

– Этого следовало ожидать, – покачал головой Манахем. – Каган слишком приблизил к себе чужаков – иудеев и слишком притеснял князей, не принявших новую веру.

– Ты осуждаешь кагана, – сказал Ангуш, – но разве ты сам не принял иудейскую веру и не уговорил нас с Умой сделать то же самое?

– Я осуждаю кагана не за веру, – возразил Манахем. – Нам нужна единая религия для укрепления государства. Я осуждаю его за неосторожность, которая привела к междоусобице. Что нам теперь делать?

– Нужно возвращаться медленно, расспрашивая каждого встречного о вестях из Итиля, а уж исходя из этих вестей, решать, что делать дальше, – посоветовал чиновник по сбору дани.

На том и порешили. Накануне отъезда хазарские воины старательно уложили свои мешки. Ума и Ангуш были довольны: им удалось наменять мехов, купить два бочонка мёду и франкские мечи. Ангуша волновало только одно: успел ли князь Кубрат уехать из Итиля перед переворотом? Не погибла ли его прекрасная дочь? Ума, как мог, успокаивал его. Он не сомневался, что ещё весной Кубрат выехал в своё летнее кочевье, а, услышав об опасности, успел откочевать и по-

дальше. Пока сворачивали войлоки и набивали перемётные сумы, никто не заметил исчезновения Нисси и ещё двух – трёх воинов, поэтому Манахем удивился, увидев их выезжающими поздно вечером из леса.

– Где вас носило? – рассердился командир отряда.

– Ездили по окрестностям и заблудились немного, – ответил Нисси.

– Разве к вам не относится запрет разъезжать в темноте по диким лесам? Наша сила в единстве и дисциплине.

– Бабы разговоры! – пренебрежительно отозвался Нисси. – И не указывай мне. Мой отец знатнее твоего. Наверняка твой сидит в Итиле в колодке, если он ещё жив! Ведь он был близок к Обадии!

– Покажу я тебе бабы разговоры, дай только выедем в степь, – прошипел сквозь зубы Манахем. – Не к лицу нам на глазах у славян устраивать ссоры.

Нисси высокомерно проехал мимо. Ноги его лошади были мокры, как и брюхо. Замшевые сапоги местами покрывали пятна от впитавшейся воды.

4

Радостно было выехать на следующее утро в сторону дома. Солнце встало розовое, точно умытое. В свежем воздухе перекликались птицы. Из-под ног коней на открытых местах взлетали перепёлки. Суслики свистом предупреждали друг

друга об их приближении. Ума и Ангуш, покачиваясь в сёдлах, мечтали о походах и подвигах, о белых юртах и косяках лошадей, которыми обзаведутся в будущем. Ума тешился мыслями, как, богатый и знаменитый, он приедет к старшему брату и с чувством превосходства вручит ему ценные подарки, сказав, что не помнит прежних обид.

Когда наступила ночь, в небе протянулась Молочная дорога. Хазары разожгли костёр и стали варить в котле мясную похлёбку. В то время как часовые прислушивались к ночи, остальные уселись и улеглись возле огня. Начались разговоры о том, что может ждать отряд по возвращении.

– Уж очень неторопливо мы движемся, – посетовал Ангуш.

– К чему спешить навстречу возможной смерти? – спросил его Ума.

Похлебав из общего котла, друзья улеглись на одном войлоке и стали глядеть в небо.

– Земля похожа на плоский поднос, а сверху её покрывает колпаком небо, – сказал Ума.

– Не везде она плоская. В Иберии есть горы, а здесь, в славянских землях – холмы, – заметил Ангуш.

– Наверно, эти земли ближе к краю земли, поэтому она начинает холмиться и возвышаться, чтобы люди не упали с неё.

– Смотри, как мигают звёзды. Они словно драгоценные камни, нашитые на чёрный плащ ночи. А луна похожа на

большой серебряный дирхем, – прошептал Ангуш.

– А под небом на много дней пути колышутся под ветром высокие степные травы. Скачут по ним, закинув рожки на спину, дикие козы. Пасутся кони, овцы, – вторил ему, засыпая, Ума. – Стоят юрты...

– Чувствуешь, как пахнет цветами?

– Опять ты, друг, о ней! Давай-ка лучше спать.

Проснулись они от шума и от криков. Ума открыл глаза и, ещё ничего не понимая, увидел над собой огромного славянина с окованной железом рогатиной. Он не успел сделать и движения, как Ангуш навалился на него спиной. Послышался глухой удар, треск, сдавленный крик. Кое-как выбравшись из-под друга, в свете догоравшего костра Ума разглядел схватку, кипевшую вокруг. На лагерь напали славяне. Выхватив саблю, он ринулся в бой. Вскоре нападавшие были перебиты. Их оказалось немного – около десяти человек. У одного из умирающих Манахем выпытал причину нападения.

– Где Нисси? – закричал командир в гнев.

Нисси был мёртв. Славяне раскроили ему топорами голову.

– Кто ездил вчера с Нисси? – с угрозой подняв саблю, стал наступать на воинов командир.

Оказалось, что двое спутников Нисси тоже погибли, но третий даже не ранен.

– Где вы были вчера? – обратился к нему Манахем.

– Ничего мы не делали, – буркнул воин.

– Вытряхните сумки Нисси и этих трёх шакалов, – приказал командир.

Когда его приказание было выполнено, на траве, среди мехов оказались серебряные дирхемы, украшения, оружие и маленькие тигли с застывшим в них металлом.

– Вы убили кузнеца с семьёй, подлые собаки! – снова закричал Манахем. – Мало вам, что впереди у нас неизвестность, так вы и сзади решили создать нам опасность!

– Прости, князь! – упал в ноги командиру виновный. – Попутали злые духи!

– Я мог бы убить тебя, подлец, но это ослабит нас ещё на одного человека. Посчитайте погибших.

– Десять, да пятеро раненых, нуждающихся в чужой помощи.

– Сейчас возвращаться для наказания славянского посёлка нельзя. Мы не можем терять людей. Проверьте славян и добейте раненых, чтобы никто не мог вернуться и что-либо рассказать своим, подберите наших и спешно снимаемся с места.

Ума действовал как во сне. Он подошёл к Ангушу и увидел, что окованные железом концы рогатины пронзили ему грудь. Один из них застрял в позвоночнике. Глаза Ангуша остекленели, рот был открыт. Плотно завернув тело в войлок, Ума привязал его на спину испуганно храпевшей лошади. В траве он наступил на что-то и, нагнувшись, подобрал

чашу для питья с надписью: «Ума и Ангуш – двое нас».

Отряд быстро собрался. Много дней он двигался на юг почти без остановок, пока не достиг Хазарских степей. Там, остановившись в кочевье князя Элчи, похоронили убитых, насыпав курган. Узнали последние новости. После смерти кагана Обадии возникла смута. В ней погибли многие богатые и знатные князья, в том числе и главный князь Батбай. Наконец верх в борьбе удалось взять брату Обадии – кагану Ханукке. Главным князем при нём стал дальний родич Манахема – Ата – ач. Князь Кубрат спасся. Своё благополучие он укрепил, выдав за Ата – ача дочь Чичак.

Казалось бы, новости были обнадеживающими. Благодаря родству Манахема, отряд мог безбоязненно ехать в Итиль, однако командир не радовался. Вечером, после пира, он незаметно ушёл в степь, разжёг там костёр и пил в одиночестве хмельной кумыс. Ума, впавший после гибели Ангуша в какой-то столбняк, из-за которого он не чувствовал ни горя, ни радости, а потому рано покинувший пир, отправился в степь на свет костра.

– Иди, вместе пить будем, – увидев молодого воина, сказал Манахем и так взмахнул рукой, что чуть не упал.

Ума сел рядом, взял из рук командира сухую тыкву и отхлебнул.

– За что пьём? – спросил он.

– За женскую неверность. Говорила, что ждать будет до смерти. Говорила, что лучше умрёт, чем выйдет за другого.

Сколько я за неё претерпел! В опалу попал, готов был голову сложить...

– Да кто это – она?

– Чичак, дочь князя Кубрата.

Слова эти, словно стрела, пронзили броню, покрывшую сердце Умы. Он огляделся, словно сейчас очнулся. Лишь в это мгновение он осознал необратимость произошедшего. Ума показался себе маленьким и затерянным на огромном подносе земли под тёмными небесами, усеянными звёздами, молчаливо льющими свой свет на землю. Молодой воин закрыл глаза, и вся жизнь промелькнула перед ним, словно цветной сон. И везде в этом сне был Ангуш.

– Дай, мне, князь, тыкву, – попросил он.

– Пей, воин, пей, – отозвался Манахем, – Заливай тоску, пока она не разгорелась и не испепелила нас.

5

Отряд Манахема прибыл в Итиль с собранной данью и был милостиво принят каганом Хануккой. Ума остался на службе и вскоре отличился в войнах с Албанией, Иберией и Византией. Со временем у него появилась белая юрта, косяки лошадей и стада курдючных овец. Он исполнил свою мечту и съездил с подарками к брату. Он женился на племяннице Ангуша и стал отцом семи сыновей. Уму уважали как храброго и дальновидного военачальника, его окружали

славные соратники и верные слуги, но никогда у него не было друга столь близкого, как Ангуш.

Когда ему исполнилось семьдесят, он начал видеть сны из времён своей молодости. Он понял, что это Ангуш зовёт его свидеться. Отважный военачальник пожелал посетить курган, под которым вот уже пятьдесят лет покоился его друг. В последнем кочевье, где он остановился, Ума запретил своим воинам и слугам следовать за собой, но он знал, что они продолжают ехать за ним в отдалении.

Молчаливо встретил Уму заросший травой высокий холм. Не представляя, как дать знать Ангушу о своём присутствии, старый воин заиграл на дудочке, точно такой, на каких они с другом играли в детстве, когда пасли табуны. Излив печаль прожитых лет в музыку, Ума заговорил, рассказывая другу, что спал в глубине кургана, о том, что произошло с ним в прошедшие годы, промчавшиеся и растаявшие, словно дикие козы в степи. Когда в горле пересыхало, Ума наливал себе греческого вина из сухой тыквы в старую чашу.

Люди Умы, стараясь держаться на расстоянии, прождали своего господина полдня и всю ночь. Зная суровый нрав военачальника, никто не посмел нарушить его одиночество. Благо, всю светила полная луна, чётко очерчивая одинокую фигуру, сидящую на вершине кургана. Лишь утром, когда солнце было уже высоко, воины решили приблизиться. Когда один из них взобрался на холм, он увидел, что старик сидит, свесив голову на грудь. Перед ним лежит сабля. Спра-

ва в траве желтеет укатившаяся высушенная тыква для вина. Левая рука Умы сжимает чашу, на которой видны полустёртые знаки: «Ума и Ангуш – двое нас». Судя по всему, господин ушёл в вечность ещё вчера вечером.